

Гала Узрютова

ОБЕРНУЛСЯ, А ТАМ — ЛЕС

Москва
«Русский Гулливер»
2015

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
У 34

Премия Русского Гулливера — 2014
Специальная премия издательского проекта

Узрютова, Галя

У34 *Обернулся, а там — лес. Стихотворения.* — М. : Русский Гулливер; Центр современной литературы, 2015. — 80 с.

Галя Узрютова родилась в 1983 году в Ульяновске, окончила Ульяновский госуниверситет. Финалист российско-итальянской литературной премии «Радуга — 2015», дипломант Волошинского конкурса — 2014, лонглистер премии «Дебют» («Литература для детей», «Малая проза»). Читки пьес были представлены в Театре.doc, Центре им. Мейерхольда. Стихи переводились на немецкий язык, проза — на итальянский.

Премия Русского Гулливера учреждена в 2014 году Центром современной литературы, издательским проектом «Русский Гулливер» и мультимедийным журналом «Гвидеон». С рукописью книги стихотворений «Обернулся, а там — лес» Галя Узрютова вошла в шорт-лист основной номинации («поэтическая рукопись») и стала лауреатом в номинации «специальная премия издательского проекта».

ISBN 978-5-91627-168-3

© Г. Узрютова, 2015
© Русский Гулливер, 2015
© Центр современной литературы, 2015

*

РЫБНОЕ ЯБЛОКО

Читая стихи Галы Узрютовой, я ловлю себя на мысли, что понимаю, для чего они написаны. Стихи могут быть виртуозны, прекрасно оркестрованы, пронизаны чувствами и смыслами — и при этом никак не соприкоснуться с душой читателя. Озноб, беспричинная радость, удивление — эти детские чувства передаются тебе потому, что их испытал сам автор. Гала Узрютова передает опыт, возникший в момент написания текста. Пусть этот момент готовился годами, но само открытие и трансформация слов в чудо происходит на наших глазах.

Небольшие по объему, но необычайно емкие стихотворения похожи иногда на карандашные наброски или на импровизации на неведомом музыкальном инструменте. То ли флейта, то ли скрипка. Гибрид флейты и скрипки. Это не лирическая поэзия, утверждающая уникальность личного существования. Мы имеем дело с какой-то более древней формой творчества. Песня, заговор, мольба, молитва. Не стилизация, не имитация, а именно воссоздание жанра из материала сегодняшнего дня. Гала уходит в лес, слушает там песни леса и потом возвращается назад. Место возвращения не определено. Испания? Португалия? Аэропорт Хельсинки? Симбирск? Сестрорецк? Автор постоянно находится в своем мире и по существу никогда его не покидает. Она в нем родилась (выдумать такие вещи невозможно) и теперь этот мир обустраивает. С небывалой серьезностью. Самоотверженно. Прилежно.

Нелинейность образов Галы Узрютовой может отсылать к поволжскому фольклору, а может и не отсылать. Нечто этническое и даже колдовское проступает сквозь ее тексты, но не нарочито. В данном случае совершенно неважно, какое знание за этим стоит: книжное или интуитивное. Я догадываюсь, что она много читала и читает. Но она не форсирует культуру, не играет с ней, не выпячивает ее. Ей хватает собственной интонации, вбирающей опыт предшественников, но выносящий его за скобки. На второй план. Интонация — ключевое слово для понимания поэтики Галы Узрютовой. Чистота интонации. Четкость плача. Узнаваемость голоса.

Узрютова — один из самых «безумных» поэтов в своем поколении. К счастью, это «контролируемое безумие». Оно не только находится в поисках гармонии, оно ее практически обрело. Образный строй стихов Узрютовой не умозритель, а физиологичен. То, о чем говорит, она «прочувствовала на своей шкуре» и смогла облечь в слова. Физиология бормотания незаметно прокладывает дорожку через душевность в духовность, смешивает их, меняет местами. Это языческая практика. Отмена иерархий и масштабных линий. Точкой отсчета может стать детство, первая любовь или страшная беда. Гала Узрютова начинает строить свою поэтику с некоторого предполагаемого нуля, опираясь на свое отчаяние и счастье. Многочисленные посвящения поэтам-современникам в книге говорят скорее о том, что она любит поэзию и умеет быть благодарной тем, кто живет и пишет в настоящее время. Такое могут позволить себе только состоявшиеся поэты и сильные люди.

Вадим Месяц

В ЛЕС

нетрог нетрог его, поле сытое
трава идет с ним по локоток
видно макушку — не слышно ног

же море, же соль, жернова
перемалывают ласточек на
черное и белое
нетрог же ласточек

что ему делать
с твоим лицом в окне
если ты смотришь в комнату, а не вне
если родился в этой, не стой в той стороне
снег как замерзший свет
крошится не на всех
имени его нет — же море, же близко, же соль, жениться
ему только с травой

из всех других ты почему-то это яблоко спасал

яблоки загодя будут истоптаны, под ноги бросят сочить,
светом измятое рыбное яблоко в гавани станет входить,
морем мироточить.

лица уже сдобны, как на масленицу. в это стрелять или в то
яблоко, что не стоит, а покатится. конница давит вино,
нет на кресте никого.

в снег оживают из мякоти косточки и заплывают за дно

*А что бы со всеми нами случилось, кто всех их
из месяца в месяц, вот
так, из года в год, —
если не вечное эхо —
не этих вод?*

Сергей Морейно

с подветренной стороны затишок нашли
затишок нашли
окромя него туда все срыбились
срыбились
из-под воды ноги его видны
сваями растут сваями
лето хотели в тиши сидеть да сзмились
ноженьки, где вы ноженьки
преломите ледень, преломите
в затишок нетронутый приходите

*Так мало осталось того, что по-прежнему бы
меня занимало [интересовало].
Возможно само это малое [маленькое]
[сама эта малость]
одно [одна] только и занимает меня
измерением ее [его] параметров [периметров]
я занята [занят] целый день [целыми днями].
Гали-Дана Зингер*

языки запоминаются в детстве
когда свет комнатен и протяжен
когда за пунктиром забора
нет стола и нет стульев,
а есть — одна сплошная поземка
но ландыши на белом не белы
они, как и все сосны, проточны

у кого длинны руки — собирает вишню
у кого винограден голос — ведет остальных через мост
у того зимен отец — кто безлетен

языки забываются в детстве
но их гул еще пчелен все лето
в метели из окна и обеда

языком немеют мне или не мне
ко мне или ото мне
обо дне об одном дне — не об этом

катится-катится голубой вагон
в каком Бог — он
и сам вагон — и катится он
завернет за угол — видно начало
в начале был вагон — а потом и весь он
рельсы-рельсы перетоптали — в обе стороны — еще и в третью
в каждом вагоне — по человеку, если идти от головы поезда,
и по три человека — если считать с хвоста

с берега-берега гром гребет, плотник в поту собирает плот.
беден, как рыба, его живот. люди живут не к нему, а от.
катится-катится, как игра, топот превыпуклого бревна.
по локоток ты уже застиг. бархатен день — шубунит старик.
ссорится-ссорится сор в избе, и начинает окно шмелеть.
что не растаяло — то все ледь. из винограда забросил сеть.
в детской из ели его узде не вынимает плечей по плеть —
деть тебя или не деть

*цельный снег
в тишине отражался, как сумасшедшие — след
в след
Хендрик Джексон (перевод Алексея Парщикова)*

и такая настала вокруг спина,
что стояла из трех ни одна

ледяное яйцо с красно ярким желтком
так при тридцать семи закипает, что стекает
стеклом этот жар в скорлупе — стеклодувы его раздувают.
раз и два, раз и два — раз на выдох, а шорох на вдохе.
выходи ты одна из вспотевшего льда,
раз желтком ничего не выходит

через десять минут не растает яйцо,
из какого бы льда ни рождалось
урожай соберет ярко-красное дно,
куда все это лето стекалось.

через десять минут не растает яйцо,
из какого бы льда ни рождалось.
ты же знаешь, что это яйцо изо льда —
скорлупа его только взрывалась

искали его искали, где, говорят, мальчик наш
где трава высока, там нет его
где топтана — пуше прежнего нет его
родили, а он куда-то делся
aaa-aaa, разве так можно
aaa-aaa
как же его тело? зачем оно?
побежали ноги ноги быстрее воды
голова качается, переминается в воздух принимается
долог околоток, длинна закута, мы зовем тебя-тебя,
а ты не слышишь
где твои уши, зачем — тогда — тебе уши
если слово названо, кто-то должен его услышать
ты говорил, говорил да выплевывал, а учили — чтобы жевал
жевал пережевывал
глух и нем глух и нем и ел бы
да где твой рот, мальчик, где твой рот?

*Ясная, невыносимая явь
избываемая тремя ветрами
Виктор Качалин*

так много холмов — так много лесов
как же все это вынести как же все это вынести
куда ни пойдешь — везде холмы и леса — холмы и леса
даже если стоишь — рядом стоит холм или лес
даже если скажешь слово — оно уйдет эхом в лес —
 хом — ом — в ес — эс — с — с
тук-тук — кто в холме лежит — кто в лесу сидит
нас нет дома — нас нет дома — у нас нет дома
пуганая сова — нестриженная голова —
 и кусок чего-то знакомого
из стволов кровь идет — кровь идет —
 засыхая березовым соком
ни до кого нельзя уже долюбиться — только дозвониться
из-под земли гулом жжет — абонент недоступен —
 трубку не берет
а в лесу праздник — и хоровод идет — и хоровод идет

кричали птицы, мальчики молчали

молчали птицы, мальчики кричали
не знали, что в лодке стоять нельзя, поэтому стояли
и если бы могли, то называли бы
все те места, куда их весла не попали

меня сегодня на руки не взяли
сказал один — завернут в одеяле
меня сегодня даже не качали
сказал второй — в линиялом покрывале

они друг друга сильно обнимали
кричали птицы, мальчики молчали

У моста стоит собака — что ей надо,
Что ей надо?
Старик идет, дряхлея, — куда он идет,
Куда он идет?
Ждет девушка у метро — кого она ждет,
Кого она ждет?
Начался ливень и льет — зачем он льет,
Зачем он льет?
Драконит коробку ворона — куда ее тащит,
Куда ее тащит?
Он смотрит на них из окна — почему он не идет с ними,
Почему он — не идет — с ними?

Чьи это дома
Я бы сказал, ничьи
Если бы была в окне голова
И в горшке астра цвела
Были бы они чистые
Маленькие чужие дома
А теперь жизнь нова, вынула
Из почтового ящика — понесла
Назови хоть одного, кому то письмо дошло
Сквозь парун и через сосны окраюшки
С полной сумкой писем проходит-сгибается
С той стороны номера домов начинаются
С этой — кончаются

перекатываясь в голени изо рта
выпадает — вот и пережита

у чужого во рту снежок
не лезет в лунку бильярдный шар
это ты столько намолчал
это ты не пел, а дитя качал

и все это — у одного него
на ногах, в гвоздях и на голове
капли впитываются по сухой траве
и стоят варварушки на крове

поднимают на руки по ночам
я тебя когда-то не докачал

шершавые болтаются старухи на ветру —
то лето не кончается, то три весны в году —
и затевает первая — а где же дед — мой — дом —
вторую слышно громче — и сына — нету — в нем —
никогда со двора я уже не уйду — третья воя в ветра поддувает —
а четвертая землю ногой причитает —
— где все люди — где все люди — где все люди —
раз и два и три водит руками — дочери сыпет в подол
и несет ей на стол — ягоды — какие твои годы — погодила бы ты

*Просто земля,
которую ты — так,
любишь;
голубовата на цвет, если кто не знает.*

Федор Васильев

убывает дерево кажущейся норой
человека нет ни внутри, ни.
снаружи он стоит — и я к тебе стою,
небо обратно,
и деревья возвращаются тоже

видел ли ты женщину больше себя?
а она тебя — видела?
держала тебя в руках, как октябрятскую звездочку,
пока ты давал клятву?
говорил ей, что чужие жизни неприятны,
когда хочешь заснуть, а соседи спускают воду
и ворочаются в кровати?
говорил?
помнишь, на новый год к тебе пришел снеговик?
ты стоял на стуле и читал хлеб наш насущный
даждь нам днесь
думал, это Он пришел
снеговик слушал, а ты запинался и начинал снова
пока он не затаял
женщина больше тебя налила снеговика в ведро
и поставила на балкон
ты спросил, придет ли он еще, и сказал,
что уже не будешь запинаться
Он и не уходил, — ответила женщина больше тебя
ты пошел на балкон проверить
но ведро было пусто — Им

Посреди травы, посреди травы он лежит —
Голову на бок не повернет,
Где у травы середина — где у травы бок.
Как лег, так и смог —
А не смог — кто ему скажи,
У травы нет ног —
Рта травы — за нее — жужжит:
У травы все живы — у травы — все живы

*Бесчисленно то, чего нет
Шамшад Абдуллаев*

где насолено — там вода

имя было такое, что стерлось
имени не было, было — другое — и шло
а имя остановилось

так покидали эти дома
что мироточили окна
у кого дерева — два ствола
у кого два дерева стёкол

руками можно было, не было лъзя
а руки где? где теперь руки?
косточка издалека слышна
имя осталось, не стали руки

в подсоленном небе стоит вода

Если будет смеркаться, куда мы пойдем?
И как ночью мы дом тот найдем, где ждет нас собака?
И кого мы оставим на нем?
И кого — мы оставим — на нем?
Или снова Его позовем?
Или снова — Его — позовем?
Но Его — предадут — только — завтра.
Если крест — это дом, то куда мы пойдем?
И кого — мы оставим — на нем?
Мы на ощупь идем — мы — на ощупь — идем —
И на ощупь нам — лает собака

если четырнадцать человек — это две недели людей
значит, я один день

этот куст так костисто пуст
как туманом полностью обезлюден город
сорок лет мальчик жил и смотрел, как гусь
достаёт перо и вставляет его за ворот

самый мальчик маленький на земле
не может больше расти
с пяти сантиметров до десяти город был
 для него высок и долог
сантиметров с одиннадцати до семнадцати
 старухи его любили
с восемнадцати до пятидесяти
 с ним никто не говорил — не говорили

гусь — на стол, а мальчишка — в лес
так бескрыло на дерево влез
что перо на макушке встало
прибавляя не рост так вес

упало

раз, два, три, четыре, пять
кто не спрятался —
меня в этом лесу нет —
я в нем не виноват
и имя мое — не папоротник
и лес этот — не мой
кто не спрятался, тот не виноват
лес кончается за мной
качается и тот, и другой
я иду искать

*Скоро полночь: хранил жеребец землю копытом роет
я подпоясался туго
и жду заяц браток.
Улдис Берзиньш (перевод Сергея Морейно)*

шае шае шае шенешься и вытупишься шае шае
дерево, кажется, тебя заметило шае шае
и корнеется за тобой
и плетется
шае шае спешаешь и шае шае
сосны были, не обращали, а шае шае и шае шае
корни пятками оглашались
шаешь ли шаешься шае шае
ветки уже волосами стали
шае шае и шае шае
шае шае и шае шае
шае шае и шае шае

ПЕСНИ, ДОНОСЯЩИЕСЯ ИЗ ЛЕСА

родила родную родила она
человека-человека
в дом несла
от реки к лесу дома везли
нянчили бревна, валили пни

— ты же, выворотень, меня любил
сети на рыбу ставил, цветы носил
— дура ты, старуха-старуха
то зима была
— на, милый, снега с того куста
все порастаяло, пока несла
снега-то снега в этом году
по своим следам до дома дойду

урожай стынет
и внук нейдёт
яблоня опадает
яблоко упадет

яблоня опадает
яблоко упадет

я ли или не я ли
в ясли меня сажали
не я ли не я ли не я ли
я ли или не я ли

куда ни пойдешь, настает вокзал
ваше место — семнадцатое нижнее
садишься в черную келью
а напротив люди наги
уже режут яблоки
они так наги, так наги
что слышат слова проводника
не пачкайтесь
хотя их мажет весь вагон
проводник меняет билеты на овец и горлиц
те венчаются в проходе
волхатые спотыкаются,
но идут сквозь
керамический вой сношенного поезда
некоторые едут к
другие — от
но все — одной дорогой
сильная женщина считает шаги до семи
разворачивается, идет обратно
разворачивается, считает до семи
идет обратно
разворачивается
у мужчины на боковушке краснеют глаза
проводник просит надеть наклювник на петуха
но уже далека его кукарека
слышна только кровь проводника, видна рука
— Рано еще, он только зашел в последний вагон
— Не я ли, не я ли должен его встретить?
Не я ли, не я ли, не я ли?
Я ли или не я ли?
— Темно, споткнешься — я пойду,
в каком из двенадцати вагонов ты?
Иди быстрее,
Что делаешь, делай скорее

я ли или не я ли
я ли или не я ли

— Недолго уже быть мне с вами.

окна запотевали, окна запотевали
яблоки сердцевинной тамбуры освещали
горлицы нагих и овец прижимали
я ли или не я ли
я ли или не я ли

— Приду к вам, а вы не знали
Смотрите меня в окно

окна запотевали, окна запотевали
я ли или не я ли
я ли или не я ли
не я ли не я ли не я ли
в ясли меня сажали

Посадили меня на осла и везут, и везут —
и Везувий становится ближе.
Соглашают они до конца меня, соглаша —
соглаша — юсь быть выше для —
Для кого-то, может быть, — ниже

Ноги здесь мои не достают меня, и меня —
и меняют, считая неслышно.
Имени ни одного не скажу не лю — не любимого,
без которого я —
Без которого я бы выжил

Мальчик, девочка, иди сюда, приходи — подойди —
подойдите, седые детишки.
Вы таки — такие же, как и я, и кричались вы в те дни
в тени того дня —
Дня, когда я всех вас слышал

ИЗ ЛЕСА

он, как и его маленькая страна,
напоминал македонские сливы. напоминала
спина его кожуру, сшитую из старых рубашек
в просвечивающей коже тумана она меняла цвет
и казалась новой

словами гнал рыб изо рта, гнал
и они падали в луковые кольца. падали
на грязный фартук рыбной торговки на летнем рынке
запускала она скользкую чешую рук в первый лед
доставала его жену. доставал
он кошелек, набирал мелочь и отдавал, но монеты
всегда были ветрены
брал ту рыбу, нес ее в церковь. брал
свечу и забивал сваю в песок. оставлял
на песке жену. чешуилась свеча
на скребущие воздух жабры

Дом, в который нас привели,
Оказался слишком маленьким,
И нам пришлось жить снаружи.
А в том маленьком доме рождались какие-то люди,
Они стучались изнутри, а мы открывали им дверь снаружи,
И они заходили в гости.
— Какой у вас дом большой, — говорят. — Сколько метров?
— Мы не считали, все идем, а он не кончается.
— Так это можно у вас много маленьких домов поставить,
И все тут будут жить, все поместятся.
И они расставили у нас маленькие дома,
Оттуда тоже стали появляться люди. Они стучали,
И мы уже не успевали им открывать.
Только откроешь одну дверь, так уже колотят в другую,
а в третью — звонят.
В нашем доме стало столько людей, что мы уже не помещались,
И когда в триста седьмую дверь снова постучали,
Мы впустили гостей, а сами зашли в их маленький дом.
И оттуда больше не выходили,
И никому — не открывали:
в наш маленький дом — никто — не стучал

У этого побережья — метеонезависимость
И медузы немногие соглашаются выйти на берег
Я увидел их только, когда зашел в воду в конце сезона
Тебя же — никогда не увижу — метеозависим, как зонт

Лицо твое так песочно, что разлетается еще до того,
Как я успеваю его запомнить

Медуза смотрит на меня двадцатью четырьмя глазами, но
У нее нет мозга и сердца — ей некуда меня положить
— некуда меня положить —
В доказательство своей пустоты она прозрачна

Во мне много костей, сердце, мозг, твой леденец —
тает — и я остаюсь без него —
много зубов, автоответчиков, нерасслышанных слов,
аэропортов, звуков под окнами, десен,
чужих рук и локтей, складок на шее —
— прозрачного — нет — ничего

самое большое, что мелькало передо мной, — хлопковая юбка
в которую твои ноги звонили, как в колокол
на уцелевшей башне
никогда не было так, чтобы тебя держали в обеих руках
в обеих руках прятали
всегда — в одной
ты помещалась яблоком
никогда не было так, как ты вспоминала
всегда рассказывали иначе
идет твоя юбка снегом
в складках сугробов путается орех
раскрошил его — но его не стал
встань на снег этот, встань
перестал белой юбки снег — перестал

стали стволы как вкопаны — вода под ними утоптана

у тех лип, где мы закапывали твою овчарку
уже построили дом
хожу вокруг зимних стволов и не могу найти это дерево
вокруг
не могу найти дерево
это дерево
помню только, что тогда тоже был декабрь
раз мы ехали в куртках
раз раз — вызов на дамбу — кто берет вызов на дамбу
в такси ты плакал и повторял, что знал еще с утра
Вулкан терся о колени, скулил не уходить
еще с ут-рааа
раа
ночью с твоей сестрой мы носили вёдра кипятка,
ты ош ошпаривал яму, чтобы было легче копать
кацеялась та и кланялись мы
Вулкану там будет холодно — приговаривал,
одевая овчарку в простыню
со со бачий скелет сы сы стынет со снегу са са скатывается в
может, под этим
где вспухла земля
но таких деревьев как минимум три
три
если только кто-то еще не закопал здесь двух своих собак
продается квартира с панорамным видом на
деревья
кто смотрит из окна, тот не видит,
как под одной из лип мерзнет овчарка
великолепный вид на
панорамный звук
нарушает лязг пожилых палок о глазурованные тротуары

а что — снег уже выпал?
вы не видели? с утра весь город завалило
что — и утро уже было?
сейчас вечер. так куда вы хотите лететь?
можно в данию
куда именно в дании вы хотите отправиться?
можно в мадрид
но мадрид в испании
да, уже перенесли?
он всегда там был. так куда мне оформлять билет?
можно в бельгию
куда в бельгии — брюссель, антверпен?
можно в бельгию, а бельгия какого роста?
простите?
как я? выше меня? или пониже?
все-таки, куда мы оформляем билет? уже очередь скопилась
просто хотел по росту подобрать
я не понимаю, вы летите или нет?
лечу-лечу, сейчас — можно в рим
хорошо, на ближайший рейс?
ближайший я уже пропустил, можно следующий
следующий рейс через три часа — оформляем?
можно оформлять, да, а школьникам скидок нет?
вы летите с ребенком?
нет, я лечу в школу, в рим
простите, но, судя по вашему виду, школу вы окончили
лет пятьдесят назад

можно без скидки, без скидки
один билет в рим через три часа — верно?
но в три часа мне надо быть дома
вы можете определиться? вы летите или нет?
можно в хельсинки, в хельсинки
простите, но нельзя — в хельсинки
почему? я могу и без скидки полететь, у меня есть деньги — вот
нельзя — мы в аэропорту хельсинки

подростком он смотрел с отцом польский фильм
где два героя полтора часа ехали на машине и обсуждали женщин
бабы все время зевают, — говорил тот, что за рулем
да это просто невозможно — все время, и рот не закрывают, —
обрадовался второй

отец рассмеялся и сказал: сашк,
ищи себе бабу, которая не зевает
в тот вечер он вышел на улицу и стал смотреть на женщин
та, что повстречалась у супермаркета,
зевала так, что ее лицо превращалось в его незаправленную
кровать

она вдыхала снег все быстрее,
но на тротуарах чуть-чуть оставалось —
снега еще днем выпало хорошо много
та, что стояла у краеведческого музея заворонила
целую Волгу снега

по-коровьи прожевала его и, нарушая пар, сплюнула снежок,
на котором остался незнакомый орнамент ее зубов
пока зевала аптекарша, он успел два раза поменять
леденцы от кашля

и остановился на медовых
даже его крестная зевала всем зубным кабинетом,
когда они столкнулись у стоматологии —
и она распределяла конфеты по его карманам
как куски текста меж своих учеников
он уже начал зевать сам, как увидел ту, что выходила из трамвая
ее рот был закрыт — разве он открывался раньше
большие янтарные серьги неуместно свисали среди зимы
медовые луны таяли и не возвращались
он фотографировал быстро, боясь, что она тоже откроет пасть
но ее рот шел прежн

через шесть лет в тот же вечер, стоя у нее за спиной,
он слышит, как открывается рот
кухонное окно перед ее лицом покрывается потом
в спальне он смотрит на фотографию —
здесь она никогда не зевает

у фоторамки уместно брошены янтарные серьги
медовые круглые леденцы тают и не возвращаются

Эту субботу старый подстерегает больше прежней
Сегодня жена уходит не на рынок
Что заняло бы всего часа два,
А на целый день рождения к кому-то,
Кто обрадуется фоторамке и галстуку.
В прошлую субботу он помахал жене в окно, ринулся к шкафу
И достал пенал,
Куда еще во втором классе собрал снег,
Смотря освобожденными от физры глазами на чужие лыжи.
Он высыпал снег из пенала прямо на пол в спальне —
Достал лыжи и елозил от двери к окну,
Огибая кровать,
Как объезжали второклассники молочную кухню,
Чтобы срезать лишний круг.
Теперь он снова бежит к окну,
Смотрит, как жена бросает в контейнер пакеты хлама,
Поддавшись жару, снимает кофту,
И устранивается в междомие,
Подставляя шею поднятым ветром волосам.
Он запирается изнутри и по пути в спальню,
Расчищает лыжню.
За дверь шкафа опять ничего не найти —
Так всегда, когда жена убирается.
Коробки из-под туфель, старые пальто, сломанные вешалки
Пенала — нет —
Даже в том тайнике за мешком с детскими вещами
Пенала — нет —
Чуть не сломав запертую дверь
Он вырывается наружу и скатывается до первого этажа.
Шарканье двери подъезда заглушает шум мусорной машины,
Опрокидывающей на спину вонючий бак,
Из которого вперемешку с туалетной бумагой,
бутылками и обедками
Доносится снег,
Падая на его лыжные ботинки

Когда включают свет в окне напротив,
Ты сидишь, будто ты ни при чем,
Но начинаешь смотреть туда,
Где ходит в майке человек и курит на балконе,
Как будто это — тебя — касается

А ведь это правда меня касается,
Потому что я тоже выхожу —
Нет — не на балкон, но в коридор
На босу ногу и смотрю в глазок
За старухой, которая живет напротив, —
Седой фронтовичкой.
А она, как всегда, играет в удвоение себя
И повторяет:
Ну, что, мы сегодня пойдем гулять?
А мыться будем?
Кто это «мы»?
Она же одна живет, а сын ее умер раньше нее.
Все жду — может, завела собаку,
И это ей она улюлюкает:
Мы пойдем гулять,
Мы пойдем мыться.
Но ни кошки, ни собаки нет,
А «мы» — есть.
Да и все это чушь полная,
Ведь я же была у нее в квартире,
Пропахшей геранью, супом и лекарствами.
Она живет одна,
А когда я снова стою в майке и трусах у глазка
На носочках, ноги мерзнут,
Дверь открывается, и старуха опять
Мыкает, мыкает, мыкает,
То говорю себе:
Пойдем — отойдем от двери,
Подсматривать нехорошо.
Давай отойдем,
Пойдем — попьем чай,
Пойдем.

ты проваливаешься в белую снежную дыру,
и понимаешь — хвататься не за что.
не получится, как в той притче про двух лягушек в молоке,
потому что снег взбить до масла нельзя —
он рассыпается под ногами и руками,
и потому что эту белую манку надо не пережить, а прожить

я бы причислила папу к лику святых,
тех, кто мерзнет в памперсах и простынях,
на уродливых кроватях с заборами
я думаю, о чем можно думать, чтобы не сойти с ума
все белое на фоне белой зимы

папа лежит на больничной кровати
в памперсах. и я впервые жизни
учусь надевать памперсы не своему ребенку, а своему папе.
и тут сама становлюсь папой.
а он улыбается, говорит
с утра выступал перед ними поп и сказал, что скоро зима.
в день восьмого марта мы повесим большой плакат —
приветствуем всех!

как увидят все и упадут.
мы в больнице, — говорим мы
что-то я сомневаюсь, — говорит он
кто это говорит? какие врачи?
это цыгане
это значит, что скоро придет большой Бог

я так устал
положи мне подушку, чтобы я перелег на другую сторону —
там видно небо

а завтра придешь? — спрашивает маму
ты же сказал, что я тебе надоела
ну, как же я без тебя, девочка моя?
ты ведь меня не бросишь такого инвалида?
у нас обоюдный образ жизни
давай возьмем с собой эту счастливую шапку

в больнице столько пациентов, что их зовут ангелами,
потому что они так ползают ногами по стене,

что в отделении кончились веревки
а есть ведь и другие ангелы,
куращие руками так, будто крестятся во сне

идешь по городу, а во дворах торчат
брошенные елки в мишуре —
шагаешь, как мародер, по разоренному детскому утреннику

хоронить в майские праздники —
все равно, что в новогодней пустоте
когда во двор заезжает катафалк, машины уже роятся
жужжа распахнутыми дверцами
жильцы дома несут рассаду, мясо на шашлык,
мини-телевизоры, антенны, уголь
собак и кошек
почуяв горе, они убавляют музыку,
тихо закрывают дверцы и уезжают на дачи

когда отца принесли в дом,
его лицо было как будто в гриме того,
кто улыбался
это не он
это не он — не он

его сестры плакали над ним
улыбаешься ты, улыбаешься
она выпила таблетки успокоительного
на несколько дней
и пошла в детскую спать
ночью ее будили
иди — попрощайся с папой, иди
это не он
это не он — не он

солнце пробралось даже внутрь катафалка
за рулем был в костюме
кто рядом — тоже
и пил иногда пиво
работа такая, что не объяснишь, чем занимаешься,
маленькой дочке,
с которой тебя узнают на улицах
родственники десятков похороненных тобой людей
смотри — она что, уснула?
отца везем хоронить, а она спит
это не он
это не он — не он

а теперь все могут попрощаться

иди подойди к отцу
попрощайся, иди
отец всегда жалел ее от похорон
и это были первые похороны,
которые она видела
значит, так это, оказывается, происходит
солнце грело все
кроме ямы
это не он
это не он — не он

в конце мая они приехали в дом
который построил отец
для кого я строю
стоя в дверях, спрашивал он
кто будет в этот дом приезжать
на заборе дома сидел белый кот,
которого тут никогда раньше не было
через солнце кот смотрел на них
привычно
еще издали увидел,
как они идут
это он — узнала она
это он — он

— А ты знал, что космонавт может взять с собой в космос не больше килограмма личных вещей? Что бы ты взял, уезжая из этого города?

Ты смотришь на меня многолюдно:
— Я бы взял килограмм твоих писем

что ты торчишь во мне яростным садом
так, что умолкли плоды
так, что корнями присохло
когда за оградой всегда так много воды

что ты ищешь собаку в апрельской земле
так, что в смёте из зимнего теста и пыли
ее не различить
так, что тот, кого ждет и боится
имеют одинаковые лица

что ты молчишь во мне вязаной нитью
так, что слышно, как вяжет во рту
так, что струится, бежит и синица
в прозрачном аэропорту

ведь я знаю,
единственное, что тебе во мне нравится —
 это пятикилометровый мост
по которому ты можешь ехать и звонить своему папе
чтобы сказать, что на Волге стал лед
но папа трубку не берет
но папа трубку не берет
а просто сверху закидывает удочку

руки с шишечками у основания ладоней
несут мне ягоды в пальцах, раскрытых кузовком
несут несут, чтобы не рассыпать
несется еж Степан, но ягоды не ему
эти ягоды в молоке — для меня
как молодильные яблоки, как ком в горле
не пробовала их с конца того детского лета
когда меня возили сюда на выходные
и брали в лес собирать землянику
чей этот дом
чи в карманах конфеты
кто босиком идет по травяной тропинке
приминая гусиную поросль и одуванчики
кто говорит: смотри-ка лес сегодня-картинка
и насыпает ягоды в мои мокрые соленые ладони
тонут мятые ягоды не в молоке, но в море

Чужие радостны бывают голоса,
А тот, которого всегда не больно,
Произошел без шмеля и цветка, как встреча без
Тебя произошла и происходит лето без другого

И был один, но вышел из второго,
А тот, которого всегда не слышно,
Уже торопится. И грохотал, во горло всё
молча и гогоча — как будто не было, а уже снова

Чужие радостны бывают голоса,
Но те, которые в саду замолкли,
Доносятся и громче, и свои. Бесшумно здесь
Идут или стоят — сказать еще ни слова не умеют,
А уже Ваня, Федя, Саша, папин брат —
Про яблони и вишни говорят

Так смородина дергает за рукава,
Собирая и этих, и тех, и тех,
Я хотела, чтобы трава
Через спину росла
И цвела, и цвела, и цвела — и цвела —

Я смотрю в этот лес — он идет и стоит,
Навалившись сухими корнями на спину,
И шуршит, и шуршит, и шуршит — и шуршит,
И как ты — говорит.
Я стою и иду,
А лес смотрит, как я назову —
Сосны, дуб, ежевику, рябину.

Из леса выйдут все до третьего звонка,
И вот уже зверь содранный несется,
Я здесь стою и — здесь — стоит трава,
И нам — прохлада — только остается.
И тот посудой в окнах раздается —
Гремит — гремит — гремит — гремит —
Кто даже на лето сюда не повернется

Пчелы могут продлевать свою жизнь в пять или шесть раз,
Когда это необходимо.
Когда это необходимо,
Его плечи начинаются где-то на улице Ленина, а пальцы
длятся сквозь

Прагу,
Пока не попадают на чужое фото с берега Балтийского моря.
Его рук хватит, чтобы одним движением выжать белое белье,
Что мнет свет во всех гостиницах мира,
Но эти руки всегда помещаются в двух карманах пальто.
Когда это необходимо.

Слон — в декабре — хоботом воду не пьет
Индийские реки — все — уже превратились в лед
И грабли взрыхлили спину от ушей до хвоста
Ступай погонщик Дима — очередь пуста

Эта вышка тянется не от хвоста до ушей
Ржавеет не от ноля метров до ста
А твердеет под ногами от пяти лет до двадцати двух
И холодеет ночью

Комбинезон раздвигает застывшую борозду
Дима шершаво стекает
В индийскую — реку — ту

— Митя, опять извозился, быстро пошли домой!
— Мама, а как же слон? Замерзнет, он же живой!

Никуда — твой слон — не — денется
завтра с бабушкой пойдете в парк,
и покатаешься

недавно мне зачитывали список
двадцати семи ненужных вещей
от которых надо избавиться
мне читают
старый солнцезащитный крем
просроченные лекарства
непишущие ручки
конфеты, оставшиеся от Рождества
изношенные туфли
пустые цилиндры из-под фотопленки
старые краски, которыми никто не пользуется
старые телефонные книги
просроченные (или почти сожженные) свечи

но дальше я уже не слушаю, а думаю

а ведь все мы — конфеты, оставшиеся от Рождества
разбросаны по земле как по столу
вроде есть и кожа, и рожа
но мы так и будем валяться на дне чьей-то истрепанной сумки
и нас никто никогда не съест
не то, что мы невкусные
или истек срок годности
просто жалко нас есть
мы же от Рождества

Сегодня так тихо, что завтра, наверное, будет бора

Мальчик в белом платье встает с утра
И на снегу двора выбирает прут
Этот пустой, тот хомут
Этим — его не бьют
И высекает снег как козу Сидора

Это такси, а такси все ждут
Море волнуется три за забором
Как из шмелей-дверей выползают дети
И жужжат домой по красной дорожке
Прижимая подарки и взрослых

Пятно в ушанке бесследит по двору
Невидимо белеет в стылой пене
Не получился я уже к утру
И больше пятен нет
Проталиной в снегу бескрылая ворона
Да и она в своем хвосте — пуста

Он прячется собакой в конуру

все семена похожи на женщин, все плоды — на мужчин
падает в землю, летит на рассвете мальчик, отец и сын
отец уходит, сын уходит, мальчик остался один

все города похожи на женщин, все моря — на мужчин
мальчик смеется, зная, что вечен, люди играют с ним
из всех картин смотрят на ту, где кто-то идет один

все слова похожи на женщин, все паузы — на мужчин
мальчик знает: мир толст, беспечен и точно неизлечим
он говорит, что не будет смерти — просто будешь один

*Любовь хороша,
когда превращается в ужас
Вадим Месяц*

помнишь, когда ты был мальчиком
и не мог еще сам выносить велосипед из подъезда
тебе его вытаскивала мать, и ты жалел ее
потому что другим велосипед выносил отец

в университете учили чужие слова про то
что сказать кому-то — люблю, значит, сказать — ты никогда не умрешь

перед тем, как выходишь из дома
фотографируешь на телефон, что выключил газ и воду закрыл
в мобильном — пятьдесят три штуки газовых кранов
и три фотографии тех, кого ты любил

— Значит, они не умерли?

— Значит, я газ закрыл

Я начал сажать цветы,
Рылся в земле и представлял, что могу посадить все, что захочу.
Хоть нежность, хоть объятие, хоть я тебя люблю,
Но в пакетиках с семенами значились только петунии и еще
какие-то смешные слова.
Каждый день я ходил в цветочный магазин
и покупал по одному цветку,
пока подоконник весь не заполнился горшками.
Горшки были зеленые, а цветы я покупал красные.
Красное дураки любят — когда-то мне мама говорила,
Вот я как дурак и просил у продавщицы дать мне — красных.
Я уже превратился в пахаря, только цветы не прорастали —
ни один.
Тогда я разозлился и отнес их на помойку,
Они там стояли и мерзли в своих зеленых горшках
Рядом со старым стулом, чьей-то пепельницей и матрацем.
Когда я ставил на асфальт последний горшок,
меня встретила соседка
И спросила: это чего это вы нам тут устроили?
Вы что не видите? — спокойно спросил я. — Это — сад.
Совсем дурной, — сказала бабка
И стала выкладывать какие-то объедки для уличного кота.
Но в холоде цветы тоже не прорастали,
Видно, совсем на меня обиделись.
С каждым днем горшков становилось все меньше,
Кому-то они оказались нужны.
Уже пошел снег, и я стал забывать о своем саде,
Хотя иногда поглядывал на пустой подоконник.
Собрал пакеты с землей, оставшиеся семена, лейку
И решил вынести всю эту ерунду на помойку.
Валю мусор в бак и замечаю, что один-то горшок остался.
Ну, думаю, такой же идиот, как и я, — никому не нужный.
Наклоняюсь его пожалеть и вижу
Маленький росток с замерзшими листьями.
Я прячу его под пальто, грею, несу домой,
А навстречу соседка спускается, замечает горшок
И ворчит: вот дурной, нет, ну, вот дурной

Я ничего не получилось,
Не выкатился — не вскормилось,
А только задом наперед
Все это длилось, длилось, длилось.

Когда ты валишься из рук —
Из красных, синих и немецких,
Мы начинаемся как круг,
Заканчиваясь в Сестрорецке.

Не расчесываясь, слова колтунами на языке вьются,
Чтоб гребень запуская в них, ты не смог бы уже поперхнуться.
Из одних только желто больших до других столько красно и ямы.
Я стоял безобразней других там, никто где ни в чем не стояли.

А только длилось, длилось, длилось,
Катилось задом наперед,
И высочилось — и смолилось

Я ничего не получилось

У твоего имени глиняный-глиняный звук,
Я говорю его — и оно застывает.
Дедово блюдо крошится из рук.
— Маша, ты чашку разбила? Бабушка заругает.
Поди посмотри — там бабуля вишню перебирает.
— Баба, баба! Ты где?
— Тут я — у сарая
— Баба, а ты не заругаешь?
Птичья добыча в компот улетает.

— Я чашку разбила, из сервиза которая.
— Маша-Маша, так ты до свадьбы приданое все растеряешь.
— Маша, не трогай осколки в траве — поранишься
— Мама, не думай — я знаю — я себе приданое — собираю

Моя маленькая мартышка,
Я стою с тобой на остановке,
И нас никто не любит.
Хоть бы автобус остановился
Или супом запахло из ресторана,
Или бы мы попали на фотографию вон тех туристов.
Но они снимают реку — мы же в ней не отражаемся,
А смоковница уже зреет, хотя листьев еще не слышно,
Может, нас она пожалеет — и надкусит — не здесь — а выше.
Выходи — говори — поскорей — не задерживай
Добрых — и честных — людей —
На златом крыльце сидели — тех — кого — ворошили
Зазубривали — возбраняли — недоносили —
на край положили — сапожник — портной —
Выходи — кто — ты будешь — автобус вот — твой

сколько можно смотреть на это лицо
подбородок подбородок никогда не кончится
я бы построила у носа крыльцо
прямо напротив его самого кончика
рядом с ухом посадила бы дерево
чтобы оно шумело, а меня не было совсем слышно
и вместо ореховой скорлупы
в раковины скатывались бы вишни

сколько можно смотреть на это лицо
если бы оно могло длиться хотя бы до пятницы
на некошеное два дня яйцо
крошится крошится и куда-то катится

Ведь я смотрю не на тебя —
На то, как русла рек мелеют,
На то, как высыхает пол в апреле
От ветра, сталкивающего две балконных двери,
На то, как вытирают стол в больнице
Или скребет ногами дворник,
Вдыхая спирт и сына в рукавицы.
На то, как остывает каша
У матери в промерзшей кухне,
Наматывающей месяцы на спицы.
На то, как оседает пыль на солнце
Танцует в паутине муха,
Готовясь в Рай, а не в паучье брюхо.
Ты смотришь прямо на меня,
Не видя, как на теле сохнет платье,
Как мнется белая — от снега — простыня

среди ног, среди тех, кто так играет в мячик
как будто мимо он не попадет
я буду первым, кто опять заплачет
когда он в брызгах в лужу упадет

я выучил всего четыре слова
они меня все время говорят
смотри, как все исчезнет — и воскреснет снова
и повторяю их по десять раз подряд

смотри, как все исчезнет и начнется снова
никто не умер, но уже воскрес
смотри, как слов набралось по горло
а можешь только квакать и пыхтеть

смотри, как все исчезнет и воскреснет снова
смотри, как мяч летит в тугую сеть
смотри, как дядя Ваня льет бездонно
из шланга воду на косую плеть

смотри, как все исчезнет и воскреснет
как с неба поднимается земля
смотри — я буду повторяться снова
как повториться в общем-то — нельзя

как в зиме ночью слышнее колотится поезд
так громче, когда уснешь, плачет соседский ребенок
его слезы ударяются о шпалы и доезжают до
спальни вторых соседей
чей младенец начинает плакать в ответ
будто уже все знает
туда-обратно плачет поезд через мою комнату

Я помню всех женщин, которые меня не любили,
И вспоминаю тех, которые будут меня не любить.
Я бы тоже хотел их не любить,
Но они первые меня — не полюбили.

У одной из них вместо лица был длинный-длинный ров,
И я прыгнул в него, ходил по кругу, но так и не смог вылезти.
До сих пор стою в этом рву.

У другой вместо пальцев были медузы.
Они всегда шевелились, будто ждали кого-то,
А я все не шел. Но когда я появился,
Медузы уже уплыли.

У третьей вместо глаз были вокзалы,
На которых опаздывали и успевали тысячи людей.
Поэтому она меня не заметила,
Хотя я пришел к самому поезду.

У четвертой вместо рта будет лиственница,
Но она не сможет меня позвать,
Потому что рот будет полон шишек.

Вместо пятой женщины будет ничего,
Я так и скажу ей:
Ничего, что не любишь.

у каждого мужчины — четыре дочери
одна его носила, другую родил он,
третью он любил, а портрет четвертой — у него над кроватью

и каждое воскресенье у нее рождается сын
и сколько бы ни было воскресений, сын — один
а в понедельник утром пришел господин — плечист, един
забрал дитя — у тебя — в воскресенье — еще один

в тысяча пятый раз рожать
и снова придет господин забирать
а ей уже шестьдесят пять
себе одного — не ему отдавать

другой понедельник встречать опять господина
она бесполо прилегла и говорит: пустоутробна
бесплодна, без пола, без плода она
как ты бесплодна, если вчера меня родила?

у каждой женщины — четыре сына
у одного борода, второго не родила,
третьего под венец вела,
спину четвертого видела, в лицо не узнала

так пустое объемней всего на ощупь
когда въезжаешь в город с забор-стороны
видно вагоны, не видно площадь
как ословы следы длинны

если ходить по кругу, можно вытопать берег вокруг воды
и перейти ее на другую воду
все имена заняты
а одно — свободно

все имена начаты и пусты
ты выбрал произносимое чаще всего
оно нравилось всем, но никто не хотел себя так называть
все имена заняты
а одно — свободно

ни один с твоим именем в этот город еще не въезжал
но каждый день поезда встречали
те,
что выбрали имя сами

СОДЕРЖАНИЕ

Рыбное яблоко (предисловие Вадима Месяца)	5
---	---

В ЛЕС

«нетрог нетрог его, поле сытое...»	9
«из всех других ты почему-то...»	10
«с подветренной стороны затишок нашли...»	11
«языки запоминаются в детстве...»	12
«катится-катится голубой вагон...»	13
«с берега-берега гром гребет...»	14
«и такая настала вокруг спина...»	15
«искали его искали...»	16
«так много холмов...»	17
«кричали птицы, мальчики молчали...»	18
«У моста стоит собака...»	19
«Чьи это дома...»	20
«перекатываясь в голени изо рта...»	21
«шершавые болтаются старухи...»	22
«убывает дерево кажущейся норой...»	23
«видел ли ты женщину...»	24
«Посреди травы...»	25
«где насолено — там вода...»	26
«Если будет смеркаться...»	27
«если четырнадцать человек...»	28
«раз, два, три, четыре, пять...»	29
«шае шае шае шенешься...»	30

ПЕСНИ, ДОНОСЯЩИЕСЯ ИЗ ЛЕСА

«родила родную родила она...»	33
«я ли или не я ли...»	34
«Посадили меня на осла и везут...»	36

ИЗ ЛЕСА

«он, как и его маленькая страна...»	39
«Дом, в который нас привели...»	40
«У этого побережья — метеонезависимость...»	41
«самое большое, что мелькало передо мной...»	42
«стали стволы как вкопаны...»	43
«а что — снег уже выпал?...»	44
«подростком он смотрел...»	45
«Эту субботу старый подстерегает...»	46
«Когда включают свет в окне напротив...»	47
«ты проваливаешься в белую снежную дыру...»	48
«хоронить в майские праздники...»	50
«— А ты знал, что космонавт...»	52
«руки с шишечками...»	53
«Чужие радости бывают голоса...»	54
«Так смородина дергает за рукава...»	55
«Пчелы могут продлевать свою жизнь...»	56
«Слон — в декабре — хоботом воду не пьет...»	57
«недавно мне зачитывали список...»	58
«Сегодня так тихо...»	59
«все семена похожи на женщин...»	60
«помнишь, когда ты был мальчиком...»	61
«Я начал сажать цветы...»	62
«Я ничего не получилось...»	63
«У твоего имени глиняный-глиняный звук...»	64
«Моя маленькая мартышка...»	65
«сколько можно смотреть на это лицо...»	66
«Ведь я смотрю не на тебя...»	67
«среди ног, среди тех, кто так...»	68
«как в зиме ночью слышнее...»	69
«Я помню всех женщин...»	70
«у каждого мужчины — четыре дочери...»	71
«так пустое объемней всего на ощупь...»	72

Книги «Русского Гулливера»

- Игорь Алексеев «Как умирают слоны»
Олег Асиновский «Плавание»
Георгий Балл «Круги и треугольники»
Анатолий Барзах «Причастие прошедшего зрения»
Александр Верников «Побег воли»
Валерий Вотрин «Жалитвослов»
Игорь Вишневецкий «На запад солнца»
Марианна Гейде «Бальзамины выжидают»
Александр Давыдов «Три шага к себе»
Галина Ермошина «Оклик небывшего времени»
Иван Жданов «Воздух и ветер»
Зиновий Зинник «Письма с третьего берега»
Александр Иличевский «Бутылка Клейна»
Юлия Кокошко «Шествовать. Прихватить рог...»
«Комментарии» № 28 (памяти Алексея Парщикова)
Илья Кутик «Эпос»
Павел Лемберский «Уникальный случай»
Маргарита Меклина «Моя преступная связь с искусством»
Алексей Парщиков «Ангары»
Константин Поповский «Следствие по делу о смерти принца Г.»
Александр Скидан «Расторжение»
Андрей Тавров «Парусник Ахилл»
Александр Уланов «Между мы»
Эдвард Фостер «Кодекс Запада. Битники. Стихотворения»
Борис Херсонский «Вне ограды»
Валерий Шубинский «Золотой век»
Татьяна Щербина «Исповедь шпиона»
Владимир Алейников «Поднимись на крыльцо»
Анна Аркатова «Знаки препинания»
Сухбат Афлатуни «Пейзаж с отрезанным ухом»
Алексей Афонин «Очень страшное кино»
Андрей Бауман «Тысячелетник»
Сергей Бирюков «ПОЭЗИС»
Игорь Богданов «Федоров в кино»
Игорь Булатовский «Стихи на время»
Елизавета Васильева «Настала белая птица»
Игорь Вишневецкий «Первоснежье»
Герман Власов «Музыка по проводам»

Владимир Гандельсман «Ода одуванчику»
Алла Горбунова «Колодезное вино»
Дмитрий Григорьев «Другой фотограф»
Лидия Григорьева «Сновидение в саду»
Андрей Грицман «Голоса ветра»
Владимир Губайловский «Судьба человека»
Дмитрий Драгилёв «Все приметы любви»
Игорь Жуков «Готфрид Бульонский. Книга стихов»
Аркадий Застырец «Онейрокритикон»
Валерий Земских «Кажется не равно»
Валерий Земских «Неразборчиво»
Лина Иванова (Полина Андрукович) «В море одна волна»
Антонина Калинина «Бересклет»
Константин Кравцов «Аварийное освещение»
Сергей Круглов «Народные песни»
Илья Кучеров «Стихотворения»
Елена Лапшина «Всякое дыхание»
Константин Латыфич «Человек в интерьере»
Константин Латыфич «Равноденствие»
Анатолий Ливри «Посмертная публикация»
Ольга Мартынова «О Введенском, о Чвирикe и Чвирке»
Зоя Межирова «Часы Замоскворечья»
Вадим Месяц «Безумный рыбак»
Арсен Мирзаев «Дерево времени»
Надежда Муравьева «Сагтепес»
Вадим Муратханов «Ветвящееся лето»
Канат Омар «Каблограмма»
Юрий Орлицкий «Верлибры и иное»
Алексей Остудин «Эффект красных глаз»
Константин Рубахин «Самовывоз»
Ры Никонова «Слушайте ушами»
Александр Самарцев «Части речи»
Екатерина Симонова «Сад со льдом»
Дмитрий Силкан «Всенощные бдения Фауста»
Сергей Соколкин «Я жду вас потом»
Юрий Соловьев «Убежище»
Александр Стесин «Часы приёма»
Дмитрий Строцев «Бутылки света»
Сергей Строкань «Корнями вверх»
Андрей Тавров «Зима Ахашвероша»
Андрей Тавров «Часослов Ахашвероша»

Фотис Тебризи «Черное солнце эросов»
К.С. Фарай «Поющий Минотавр»
Людмила Херсонская «Все свои»
Людмила Ходынская «Маскарад близнецов»
Наталья Черных «Камена»
Наталья Черных «Похвала бессоннице»
Феликс Чечик «Алтын»
Марк Шатуновский «Сверхмотивация»
Алексей Шепелёв «Сахар: сладкое стекло»
Аркадий Штыпель «Вот слова»
Ирина Роднянская «Мысли о поэзии в нулевые годы»
Андрей Тавров «Письма о поэзии»
Вадим Месяц «Поэзия действия»
Зинаида Миркина «Избранные эссе»
Наталья Горбаневская «Прозой о поэзии»
Юрий Казарин «Каменные элегии»
Владимир Беляев «Именуемые стороны»
Александр Зайцев «Тектоника»
Екатерина Перченкова «Сестра Монгольфье»
Анастасия Афанасьева «Полый шар»
Андрей Тавров «Матрос на мачте»
Андрей Тавров «Бестиарий»
Демьян Кудрявцев «Гражданская лирика»
Виктория Андреева «К небу поближе»
Александр Радашкевич «Земные праздники»
Наталья Горбаневская «Города и дороги»
Андрей Коровин «Любить дракона»
Сергей Сольвьёв «Адамов мост»
Андрей Юрич «Ржа»
Марианна Ионова «Мэрилин»
Егор Мирный «На кострахи заросшем Плутоне»
Евгения Изварина «Дом для одной свечи»
Мария Ватутина «Цепь событий»
Юрий Казарин «Культура поэзии»
Ниджат Мамедов «Место встречи повсюду»
Хельга Ольшванг «Версии настоящего»
Александр Петров «Пятая сторона света»
Давид Паташинский «Читай меня по губам»
Наталья Черных «Солнечная»
Аня Цветкова «кофе сигареты яблоки любовь»
Максим Калинин «Часовые над Шексной»

Юрий Казарин «Глина»
Изяслав Винтерман «Точка с божьей коровки»
Елена Баянгулова «слова как органические соединения»
Александра Цибуля «Путешествие на край крови»
Дарья Верясова «Крапива»
Василий Нестеров «Ящеры поют»
Мария Суворова «Маленькие Марии»
Александр Петрушкин «Геометрия побега»

Литературно-художественное издание

Гала Узрютова

ОБЕРНУЛСЯ, А ТАМ — ЛЕС

Стихотворения

Поэтическая премия «Русского Гулливера»

специальная премия издательского проекта

Руководитель проекта Вадим Месяц

Оригинал-макет и вёрстка Екатерина Перченкова

Издательство «Русский Гулливер»

Тел. +7 (495) 159-00-59

E-mail: russian_gulliver@mail.ru

<http://www.gulliverus.ru>

Подписано в печать 27.07.2015

Формат 140 x 200

Гарнитура Newton C

Тираж 300 экз.

Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Cherry Pie
112114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12

